

Ровно год назад, 30 сентября 2015 года, по просьбе законного правительства Сирии ВКС РФ совместно с сирийской армией начали операцию против международных террористических группировок «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (*запрещены в РФ – прим.авт.*) в Сирийской Арабской Республике. При поддержке Москвы Дамаску удалось переломить ситуацию в войне и перейти в наступление на ключевых позициях, началось освобождение населенных пунктов, был запущен мирный процесс.

Однако последние события – возобновление полномасштабных боевых действий в Алеппо, экстренное заседание Совбеза ООН по Сирии, в ходе которого США и их союзники ответственность за срыв перемирия возложили на Россию – показали, что путь к решению сирийского вопроса будет оставаться по-прежнему крайне тернистым и долгим. Что принципиально изменилось в Сирии за прошедший год, принесло ли вмешательство России в сирийский вопрос ноты стабильности в симфонию хаоса, и по какому сценарию будет в дальнейшем развиваться ситуация на Ближнем Востоке? Об этом в нашем сегодняшнем материале.

Говоря о результатах российской операции в Сирии, эксперты КФУ, прежде всего, сходятся во мнении, что она, безусловно, была необходима как для страны, обратившейся с просьбой о помощи, так и для нашего государства. *«Кто может выступать мерилom эффективности той или иной военной операции, направленной на мирное урегулирование? Прежде всего, население страны. – подчеркивает доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения **Роман Пеньковцев**. – Неоднократные заявления сирийцев подтверждают, что, благодаря вмешательству российских вооруженных сил, жизнь мирного населения стала налаживаться: территории, входящие в российскую зону ответственности, очищены от представителей террористических группировок, жители регулярно получают гуманитарную помощь от России, объемы которой на сегодняшний день уже достигают десятков тысяч тонн».*

С его мнением согласен и заведующий кафедрой конфликтологии КФУ **Андрей Большаков**, отмечающий, что, помимо защиты от террористической угрозы населения самой Сирии, власти России вынуждены защищать и население нашего государства, а также жителей прилегающих стран: *«Надежда на эффективность вооруженных сил таких стран, как Таджикистан, Кыргызстан, разумеется, мала. Гарантом стабильности и безопасности в регионе выступает Россия и ее армия. В то же время, к примеру, Афганистан и Пакистан остаются неконтролируемыми территориями, где зачастую возникают лагеря для обучения террористов. Эти территории составляют своеобразный пояс нестабильности для России, который, при отсутствии принятия превентивных мер, может быстро стать начиненным взрывчаткой».*

При этом оценивать позитивно ситуацию, складывающуюся в Сирии на данный момент, эксперты не спешат. И речь не только о дипломатическом кризисе, назревшем между «союзниками», задействованными в урегулировании сирийского конфликта, в последние дни, но и о том, что до сих пор не решена главная задача – стороны так и не смогли прийти к единству и начать проводить совместную операцию по противодействию террористическим группировкам, а также легитимизации власти в стране. *«Изначально идея была такой: общими усилиями вернуть Сирии единство. Итогом всех предпринимаемых действий должен был стать запуск процесса реформ в объединенной Сирии, создание условий для проведения легитимных выборов. Остался ли бы у власти Башар Асад или нет – вопрос уже второго плана, решение которого должно было быть за населением страны, – напоминает Роман Пеньковцев. – Что мы видим на данный момент? Россия со своей стороны выполнила все обязательства, а зона ответственности США и коалиционных сил до сих пор выглядит своеобразной черной дырой, в которой продолжают пропадать конвои, курсируют туда и обратно представители террористических группировок, и из которой бегут мирные жители. Возникает вопрос: проводится ли реально другой стороной операция по наведению порядка? С моей точки зрения, ответ должен быть отрицательным, поскольку, чтобы она была*

эффективной, необходимо поддерживать контакт с российской стороной, а от этих контактов США всячески уклоняются».

Отсутствие диалога между ключевыми сторонами процесса урегулирования может затянуть решение конфликта на десятилетия и создать на Ближнем Востоке очередную горячую точку. Субъекты конфликта зашли уже так далеко, что готовы на все. Более того, остается потенциал для увеличения их количества — говорить о единстве сирийской оппозиции не приходится, замечает **Андрей Большаков**. «Следует осознавать также, что в перспективе возможен приход к власти в Сирии воинствующих группировок, в частности, и представителей ИГ. К сожалению, мы не можем говорить о том, что в настоящее время в мире есть силы и коалиции стран, которые могли бы победить ИГ. Практика показывает, что оно, переживая время от времени сокрушительные удары, которые наносятся по его инфраструктуре, довольно быстро восстанавливается и вновь приступает к атакам. Это сетевое сообщество, помощь, финансирование которому поступает из множества источников».

Во многом сирийский вопрос сейчас зависит и от итога президентских выборов в США, обращает внимание **Роман Пеньковцев**: «Нынешняя администрация в последние месяцы своего существования предпринимать каких-либо предметных действий не будет. Сегодня мы можем говорить о реализации плана мирного урегулирования в Сирии только в контексте работы нового правительства США. Многое будет зависеть от того, кто в итоге придет к власти в стране. Хиллари Клинтон, однозначно, сторонница дистанцирования от России, в первую очередь в военном плане. Я думаю, что в случае ее прихода к власти ситуация диалога в целом и диалога по Сирии, в частности, будет крайне печальна. Что касается Дональда Трампа, то, с одной стороны, его заявления кажутся обнадеживающими в плане налаживания контакта с российской стороной, но, с другой стороны, необходимо помнить, что Трамп — не профессиональный политик, человек эмоциональный, непредсказуемый. Кто войдет в его ближайшее окружение и куда его поведет эта элита,

предсказать наверняка сейчас невозможно. Приход к власти Трампа дает надежду на некий условный позитив, но насколько он окажется реальным, покажет лишь время».